

Стефания Данилова

Родилась в Сыктывкаре в 1994 году. Поэт и деятель культуры. Лауреат Всероссийской премии им. Дементьева, им. Аксакова, им. Есенина, фестиваля «Покровский собор», победитель Международного Грушинского Интернет-Конкурса, конкурса им. Башлачева «Время колокольчиков. Прямая речь» и мн. др. Ведущая программы «Молодая поэзия» (<https://molpo.ru/>). Редактор рубрики «Дебют» журнала «Аврора». Основатель продюсерского центра «Всемпоззии». Мастер поэтических семинаров «Мы выросли в России», «Капитан Грэй», «КоРифеи», «Посадский Экспрессъ», «Под сенью дружных муз» и др. Автор нескольких книг. Член Правления Санкт-Петербургского Союза Литераторов. Сотрудник «Российской газеты». Публикуется в журналах «Prosodia», «Юность», «Дружба Народов», «Москва», «Полутона», «Формаслов».

Выбор тут не стоит

Любить Россию

Что такое любить Россию? Такой пустяк —
по родителям и двухсотым смолить взятяг,
посещая исправно книжную лавку, бар,
кухни друзей и свой же ночной кошмар.
Может, не до конца понять, но уметь простить
эти тоску древнерусскую, русский стиль,
скачущий от небоскреба до гаража.
Потянутся похмельным утром: жизнь хороша...
И побежать в парке дождливом кросс.
Самому становиться ответом на свой вопрос.
От собора завод можно не отличать,
Как стихи из стола — то ли в печь их, то ли в печать...

Ненавидеть — захлеб, наотмашь и наизусть.
И любить — точно так же. Все остальное грусть.
Принимать и Калининград, и Владивосток.
То ли в бочке затычкой, то ли иголкой в стог.
Тридцать лет лежать на диване, как на печи —
а в решающем споре стать тем, кто не промолчит.
То ли воду — вином, то ли вино — водой.
Над собою смеяться. Рыдать над чужой бедой.
Что такое любовь к России в себе таит?
Не «нет выбора». А «выбор тут не стоит».

Башлачеву

Твой музей, фестиваль, и планета
Далеко-далеко от Земли.
Профиль твой бы украсил монеты,
Если б лептами стали рубли.
Я осинкой дрожу в термокофточке.
Деготь лучше поможет, чем мед.
Словно плакальщицы, колокольчики
Повторяют Имя Имен.

Ангел добрый на нас обозлился,
Улетает в края потеплей.
Мир сквозь череповецкие линзы
Как разбитый об землю дисплей.
Только так прорезается зрение,
Что икона встает над рекой.
Песня или стихотворение,
Богу разницы никакой.

Посмотрю на тебя, на гитару,
На которой одиннадцать струн.
И уеду из города старой,
И сусальные солнца сотру.
Замирание и замерзание
Замуруют меня до зари.
Саша! Чем успокоить мерцание,
Разболевшееся внутри?..

**Триптих:
А.Д. и А.Д. Дементьевым**

I. Анна и Андрей

Есть история про Ксению и Андрея,
а есть история про Андрея и Анну.
Чтобы имя его в мир неслось, не старея,
она решила: «Сама им стану».

В Доме Поэзии всегда горит вечное слово,
у крылечка растет жасмин,
в окне видно Андрея Дмитриевича — живого.
И это совсем не заслуга СМИ.

Инициалы обоих — А. Д., но нет никакого ада,
а есть поэтического русского рая бесконечная глубина,
где есть место и тихой молитве, и песне из хит-парада,
а жизнь — все равно одна, и любовь — одна.

II. Белые лилии

И в последнем споре возьму тебя...

М. Ц.

Когда они ходили по магазинам за платьями,
она спрашивала: «Какое из двух?» — и он отвечал: «Два!»
Но белые лилии были... скорее платиной,
чем золотом. Дороже, чем вся Москва.

Как-то раз он подарил ей такие лилии.
Их аромат она чувствует до сих пор.
Признание, оставшееся в вечной силе,
разрешившее самый последний спор.

Больше нет никакой смерти, никакой боли,
разлитой по тверской земле.
И это есть великое чудо.
Каждое утро у портрета поэта в солнечном холле
белые лилии появляются на столе.
Из ниоткуда.

III.

Поколение мужества, совести и любви —
не забывшее учителей и мать, ни о чем не жалеющее вдогонку —
уходит в непанорамный советский вид,
эхом в барабанную перепонку.

Поколение мужества, совести и любви —
разбирается и в женской сути, и в бухгалтерской смете,
и в чем только не... Господи, благослови —
умеет все, вообще все, кроме смерти.

17.10.2023

Ив

Русская девочка уехала от опасности,
от золотых берез и плакучих ив,
и родился сын с аргентинским паспортом.
Был бы в России — Иван, а назвали Ив.

Больше она не русская — аргентиночка.
На языке катается español.
Nijito¹ звучит ехидно, совсем не «сыночка».
Как тебя на испанский мир перевел?

Ни синей речки, ни золотой уздечки.
Атлантический океан есть, и страус есть.
Ночка, фонарик, улочка да аптечка,
и сковородку не вымыть, и рыбку съесть.

Нет, нет... не время — времечко колокольчиков.
Уменьшительное. Ласки нет, видит Бог.
Кто такой Ив, от макушки до самых кончиков
маленьких пальчиков розовых пухлых ног?

Мама и папа верят: ему во благо
будет жить здесь. Ивчик, расти большой!
Уж и не помнят, как он, родившись, плакал.
Не потому ли, что рвался на Русь душой?

¹ Сыночек (исп.).

А душа выше крыш, биометрии да прописки,
и не знает она, что тело ее — «мигрант»,
но вокруг обо всем по-испански и по-английски,
все расплывается в мареве жакаранд².

Не гуляет пока Ванюха. Ой, Ив, точнее.
В колыбельке играет с одной из своих бибик.
И глаза его аргентинских ночей темнее.
Снежное поле бы высветлило их вмиг.

Колокольчики больше не пляшут вокруг да около.

Отольется из крыскиных слезок колокол — царь всех рынд.

Бить в него будет тот, кто живет за облаком.

Ох, не по Иву —

Ивану

звонит навзрыд...

Три реки

Кормлю я у Невы
птиц, так похожих на раскрытые блокноты,
их крики таковы,
что я, пожалуй, попадаю в ноты.

Не плачу у Москвы —
она поверит поэтической подборке,
но не слезам, увы,
что каплют на манжеты и оборки.

Не-ва.
Моск-ва.
Сло-ва.
Прямая речь трех рек. Войти бы не однажды.
И кругом голова,
и горький вкус ничем не утоленной жажды.
Вода права.

² Жакаранды — большие фиолетовые деревья.

Кустодиев

...Он выходит во двор, а там Масленица столбом,
праздник обнаруживается в любом,
хороводы водит и млад, и стар,
закипает жизнь, как начищенный самовар.
Девки на выданье, удалые богатыри,
всяк — ожившая сказка, рубины да янтари.
Даже дряхлые покосившиеся дома,
засмотревшись на пир, превращаются в терема.
И купчиха знакомая приветливо так кивнет,
и не втридорога — даром предложит мед.
Он идет все дальше, переходит с шага на бег,
нужно успеть исследовать этот век,
а не то порастет машинами и быльем.
Он вдоль Волги бежит за самый за оком:
вот бы это и это, и это нарисовать...
...просыпается, окружают его: кровать,
забота жены и сердцу милая Лебеда,нь,
а врачи говорят: Борис Михайлович, дело дрянь.
Тут бы упасть пред иконой в немой мольбе,
а у художника вместо нее — мольберт.
Чем болезнь тяжелей, тем легче штрих по холсту —
он в картину идет как будто бы по мосту.
Там он ходит со всеми по ягоды, по грибы,
это вселенная «Если бы да кабы...»
Безупречная Юлия приносит теплые чай и плед.
Он своими ногами пойдет в сорок девять лет
в ослепительно-белый свет, пахнувший молоком
прямо из-под коровы, распускающийся цветком
в волосах у жены, с ним горящей одним огнем.
Как сахар в чае, он растворится в нем.
В мире новом не проронится ни слезы.
Увезут его туда лошади от грозы.
И купчиха, подмигивая, в туюски разольет калган,
то ли вербный торг, то ли сказочный балаган...
Спит в своей Руси Кустодиев как влитой,
и встает береза ему надгробной плитой.

Письмо Тютчеву

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.

Ф. И. Тютчев

Федор Иванович, Вы были слишком правы.
О времена! — вздыхает народ, — о нравы!
Люди на Запад катятся — горьки солнышки.
Им Синдерелла нравится больше Золушки.
Нам же Останкино Эйфелевой милее.
К двухсотдвадцатилетнему юбилею
Вашему не готовятся неразумные
школьники, их еще называют «зумеры».
Нет, не молчат, не скрываются, не таят они.
Получат свой аттестат не мытьем, так катаньем.
Чаша полна Гневом Господним доверху.
Всем чердаки снесло, кто орал: «Я в домике».
Федор Иванович, может, оно и к лучшему —
что не увидите Вы неблагополучия
и разгоревшейся кибермеждуусобицы.
Выживает — сильнейший. Живет — кто живет по совести.
Дикий дуэт Инстасамки и Моргенштерна —
это, увы, совсем не ноктюрн Шопена.
Федор Иванович, Вы остаетесь в силе —
даже задним умом не понять Россию.
Не измерить аршином — и было бы это грустно,
не окажись рулетки. Конечно, русской.